

Анотація

У статті аналізуються зміст та роль передмови М. Гоголя до «Повісті про те, як посварилися Іван Іванович з Іваном Никифоровичем», а також розкриваються особливості художньо-історичного мислення письменника.

Аннотация

В статье анализируются содержание и роль предисловия Н. Гоголя к «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», а также раскрываются особенности художественно-исторического мышления писателя.

Summary

The article explores contents and functions of Gogol's Introduction to «The story of quarrel between Ivan Ivanovich and Ivan Nikiphorovich», and also reveals peculiarities of writer's historical views.

Абрамович С.Д. (Черновцы)

МОТИВ НАРКОТИЧЕСКОГО ТРАНСА У ГОГОЛЯ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ РОМАНТИЧЕСКОГО КУЛЬТА ФАНТАЗИИ

В «Невском проспекте» влюбившийся в уличную женщину художник Пискарев, который надрывно переживает расхождение своей грезы и реальной жизни, ищет забвения в опиуме, купленном у иранского купца, и эта ситуация уже привлекала внимание исследователей как нетривиальная и тревожащая.

Еще в 1-й пол. XX ст. В.В. Виноградов и М.П. Алексеев показали, что Гоголь использовал в «Невском проспекте» картины наркотического наваждения, развернутые в книге Т. де Квинси «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум» (1821) – бестселлере гоголевской эпохи, герой которой, нищий молодой человек с лондонской улицы, все глубже погружается в бездну наркомании [1].

Этот тезис активно разворачивает сегодня Марина Кудимова в книге «Голод-Гоголь», глава из которой «Гоголь и опиум» была недавно опубликована в Интернете (www.poezia.ru/person.php?Sid=31-51k). Следуя М.П. Алексееву, она приводит убедительные доказательства того, что Гоголь хорошо знал упомянутую книгу Т. де Квинси и что описания опиумных грез [2] отразились на структуре гоголевского художественного образа мира – как в «Невском проспекте», так и в более ранних «Арабесках» (1835). Но это лишь

подступ к более радикальным выводам. М. Кудимова не только напоминает, что Гоголь вырос в Украине, где мак цветет в каждом палисаднике [3], но и смело предполагает как некоторое знакомство писателя с миром петербургских притонов, так и личное общение с упомянутым переводчиком книги де Квинси. Есть и прямые предположения, что Гоголь в самом деле пользовал опий в моменты нездоровья. В итоге М. Кудимова, вовсе не желающая *«представить Гоголя тайным наркоманом»*, тем не менее, прямо утверждает: *«в век совершенно иного отношения к наркотикам»* открыто говорить о знакомстве Гоголя с действием опия *«все же более естественно, чем, например, версия гомосексуальных откровений Гоголя своему духовнику о. Матфею, не говоря уже о кощунственности самого влезания в тайну исповеди даже на уровне гипотезы»*. Последнее соображение мы оставим без комментариев, так как сохранение тайны исповеди – дело, как известно, в России издавна святое. Более интересен основной литературоведческий вывод автора: *«Гоголь открыл тему наркотиков ключом трагедии, а не отмычкой водевиля (фарс о том, какие куролесы выделывают, хватанув опийной настойки сверх того, что доктор прописал, с триумфом шел в эти годы на парижской сцене)»*. С ним нельзя не согласиться.

Трагичность гоголевской интерпретации темы наркомании не требует доказательств, но естественно сосредоточиться на том обстоятельстве, что провоцировал легкомысленное стремление к расширению естественного предела чувствований у европейской светской публики сам культурный контекст романтической эпохи. В известном романе А. Дюма-старшего граф Монте-Кристо, принимаемый в Париже за индийского набоба, весьма непринужденно предлагает собеседнику зеленую пилюлю из золотой коробочки – опиум. За этой ситуацией стоит основательный перелом в сознании европейского общества.

Эпоха романтизма, напитанная всевозрастающим интересом к миру «чужих» ценностей, открытых в ходе колониальной экспансии европейцев, возродила в культуре привилегированный статус аффективных состояний, диффамированный было в идейно-эстетической системе классицизма. Культ разума колеблется; прославление эмоционального транса и «езды в неизвестное» сменяет еще недавно довлевшую в культуре психологическую установку на искусство как познание, на воспроизведение художником параметров реального мира. На глазах рушится статус той реальности, которую мыслили естественным пределом сознания Библия и Аристотель [4]. Даже Ренессанс и Просвещение, пытавшиеся «сбросить с корабля современности» библейский опыт, оставались еще целиком в границах этого алгоритма, но уже в предромантическую эпоху активно

возобновляется жгучий интерес к запредельному и трансцендентному. Выразителями духа времени к концу XVIII века становятся не только Вольтер или Дидро, но и не менее характерные фигуры – Месмер, Калиостро, Сен-Жермен [5], распахивающие ворота европейского сознания перед океаном безудержной фантазии «раскрепощенного я».

И если наркотики, употребление которых воспринималось в эпоху романтизма еще просто как увлекательное приключение, входят в моду, то отнюдь не осознаются как «порок». Наркотический транс мыслится как выход за пределы привычной библейско-аристотелевской вселенной. По мере возрастания и упрочения интереса к духовному опыту, чуждому христианской культурной традиции, в первую очередь – опыту языческого и исламского Востока, часто включавшему употребление наркотиков, возникало ощущение значительности ситуации, ее, так сказать, культурной легитимности. В частности, мощно повлияла на движение европейского постренессансного сознания, особенно в эпоху колониализма, культура Индии, строящаяся на тезисе, будто материальный мир есть нечто принципиально иллюзорное. Не случайно одним из ведущих мотивов романтической литературы (в первую очередь – готической) в начале XIX ст. становится *сон*. Характерно, что даже Т. Шевченко, далекий от салонов, в которых формировалось мироощущение, скажем, романтика В. Одоевского, трактовавшего петербургскую жизнь как некое сновидение, облекает свою сатиру на российскую действительность в известной поэме в модную форму «сна».

Обращает на себя внимание не просто стремительное упрочение статуса опиумодея: последний мыслится уже как конквистадор духа, человек, вырвавшийся из границ пошлой натуры и в самом деле построивший свой сказочный воздушный замок. Недаром Ш. Бодлер, известный не только как автор сборника под вызывающим названием «Цветы зла», но и как заядлый куритель опиума, употребляет для своих наркотических грез емкое обозначение «искусственный рай».

Иными словами, культурный контекст, в котором творил Гоголь, уже был насыщен достаточно взрывоопасной субстанцией. Романтический бунт «байронической личности» против всех и вся, включая христианского Бога, поэтизация, в духе традиций гностицизма, фигур богоборцев, подобных Каину, обозначились не только в религиозной, политической или юридической сферах, не только в области искусства, где разрушались все каноны, но и в области личного жизнестроительства. Фантазия стала интересней, чем реальность; наркотическое видение – содержательней, чем опыт.

И тут становится любопытно: в самом ли деле Петербург и книга де Квинси были первым импульсом гоголевского интереса к теме наркотического опьянения?

Гоголь действительно вырос в украинской деревне, где, надо заметить, на грядках растут вовсе не одни только пищевые маки, но и бледно-розовые их собратья, и где никогда не считалось особым грехом напоить грудного младенца маковым отваром – чтобы не кричал; главное было – не передозировать. Культура потребления наркотиков здесь весьма давняя: от скифов, древнейших насельников украинской земли, пришел, скажем, обычай курить коноплю – и в других отношениях весьма важный в деревенском хозяйстве злак. Думается, что отнюдь не в петербургских углах впервые познал Гоголь действие опиума, и беглое упоминание М. Кудимовой об украинском маке оказывается, пожалуй, не просто «красным словом» [6]. Ведь еще до «Невского проспекта» с его смертоносной дихотомией реальности и мечты в украинских повестях Гоголя обнаруживается странный «рентген реальности» и смещение ее планов, которые трудно отнести исключительно на счет естественного фантазирования. Вот описание чувствований Хомя Брута, несущего на спине ведьму: *«Он чувствовал какое-то томительное, неприятное и вместе сладкое чувство, подступавшее к его сердцу. Он опустил голову вниз и видел, что трава, бывшая почти под ногами его, казалось, росла глубоко и далеко, и что сверху ее находилась прозрачная, как горный ключ, вода, и трава казалась дном какого-то светлого, прозрачного до самой глубины моря; по крайней мере, он видел ясно, как он отражался в нем вместе с сидевшею на спине старухою. Он видел, как вместо месяца светило там какое-то солнце; он слышал, как голубые колокольчики, наклоня свои головки, звенели. Он видел, как из-за осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога, выпуклая и упругая, вся созданная из блеска и трепета»* [7; II, 222-223].

Сон околдованной собственным отцом-чародеем Катерины из «Страшной мести» – из этого же ряда. Удивительно, что задолго до эпохи компьютеров, позволивших моделировать зрительный ряд в кино и телевидении на основе монтажа реалий и фантастической деформации этих реалий, у Гоголя возникают такие, к примеру, картины: *«... сдернул со стола скатерть – и вдруг по всей комнате тихо разлился прозрачно-голубой свет. Только не смешавшиеся волны прежнего бело-золотого переливались, ныряли, словно в голубом море, и тянулись слоями, словно на мраморе. Тут поставил он [тесть; С.А.] на стол горшок и стал кидать в него какие-то травы. Пан Данило стал глядываться и не заметил уже на нем красного жупана; вместо того показались на нем широкие шаровары, какие носят турки; за поясом пистолеты; на голове какая-то чудная шапка, исписанная вся не русскою и не польскою грамотою. Глянул в лицо – и лицо стало переменяться: нос вытянулся и повиснул над губами, рот в*

минуту раздался до ушей; зуб выглянул изо рта, нагнулся на сторону, и стал перед ним тот самый колдун, который показался на свадьбе у есаула» [7; I, 222].

Стоит также вспомнить жуткое в своей ощутимости присутствии черта в дискурсе развеселой «Сорочинской ярмарки», ставшие явью волшебные русалии «Майской ночи...», совершенно босховские по стилю визионерские описания беснующейся нечисти из «Пропавшей грамоты», панический ужас, господствующий в пейзаже «Пропавшей грамоты» и многое другое, навеянное, конечно же, еще не книгой де Квинси и не мрачной романтикой петербургских темных углов, а той самой природно-фольклорной стихией архаического украинского сельского бытия, которая почему-то трактовалась в советском литературоведении как носительница «жизнеутверждающих» начал.

Языческая стихия всегда остро ощущалась Гоголем как некая бездна, из которой кажут временами чудовищные обличья демонические силы. Эти непосредственные переживания вполне еще живого в сельском люде языческого опыта, от которого юный Гоголь, понятно, вовсе не был отделен непроницаемой стеной, могло только обострить углубление в культурные парадигмы в стенах Нежинского лицея и на петербургской кафедре. Как раз тогда в европейской науке укрепляется, скажем, интерес к изучению индоевропейской древности: исследователи ломают голову над тем, что именно имеется в виду под пьянящей сомой-хаомой в Ведах и Авесте – отвар из хмеля? мухоморов? С другой стороны, цивилизованному русскому обществу постепенно становятся интересны шаманские практики, в том числе сибирские, включающие культовое употребление галлоциногенных грибов и пр.

На протяжении XIX века наркомания всюду набирает обороты, ее протуберанцы то и дело вклиняются в литературу. Стремящийся к благочестивости Достоевский вспоминает свою бурную молодость как «золотые и воспаленные грезы, точно от опиума». К началу XX ст. на морфии живут и выдуманный А. Конан-Дойлем Шерлок Холмс, и реальный Валерий Брюсов. Но оба они, так сказать, принадлежат к элите общества. А вот дичающий от тоски прозябания в деревенской глуши медик Куприна, развлекающийся, когда выходит запас эфира, изнасилованием старухи-хозяйки, – человек уже самый что ни на есть простой, из народа. Прикасается к морфию и безымянный захоластный молодой врач Булгакова в одноименном рассказе, авторский двойник. До великого лозунга «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!» было рукой подать...

Но великое раскрепощение «принцессы Грезы» могло состояться лишь в XX веке. В Советской России наркомания –

массовое бедствие. «Распятые кокаином», по слову А. Вертинского, люди красной России 20-х гг. уже воистину умыты кровью. В частности, в перманентном состоянии наркотического одурения массово находятся, судя по ряду документов, опубликованных недавно в российском журнале «Родина», чекисты. А к середине XX века наркомания становится глобальной бедой мира. Злоупотребление наркотиками сегодня приняло катастрофические размеры, распространилось и в детской среде. Наркотики неуклонно становятся неотъемлемой составной частью нашего бытия, преобразуя сознание человека; они все больше захлестывают сферу массовой культуры, формируя некий феерический «альтернативный мир», в котором нет места духовному опыту человечества, и на первый план выступает буйство фантазии незрелого, аффективного подростка. Обретает права культурологической дефиниции слово *психоделика* (от др.-греч. *psyche* – душа и *delos* – ясный), рожденное в западной молодежной контркультуре XX ст. и предполагающее искусственно яркий и хрупкий стиль, замешанный на переживании наркотического экстаза.

Что же до «культурных традиций» наркопотребления – нынче, в утратившем кордоны мире, таковых сколько угодно: Индия, исламский мир, Кастаньеда, д-р Лилли!.. адепты наркомании в два счета докажут вам вашу культурную отсталость и укажут на легализацию наркотиков в передовой Голландии. Сегодняшний «сатанинский рок», густо замешанный на «психоделике» [8], и тому подобные явления, оправдываемые философией New Age, есть закономерный продукт данного процесса.

В эпоху романтизма все эти перспективы еще не были, конечно, вполне ясны. Гениальность Гоголя проявилась в том, что сей великий искус и его ужасающие последствия он распознал уже в зародыше, и, похоже, не только через прихоти развращенной богемы. Очевидно, что почва гоголевской интерпретации наркотического транса – вовсе не потаенная петербургская жизнь, а глубины родимого языческого опыта...

И не случайно, видимо, трагическая судьба несчастного гоголевского художника Пискарева, выброшенного в мир чудесной, но ядовитой грезы, есть «вторичная» параллель судьбе «философа» Хомя Брута, вытолкнутого из очеловеченного пространства христианской культуры в бездну, в которой оживают призраки подсознания и медленно, но неотвратимо поднимает веки свои Вий.

Литература и примечания:

1. Перевод этой книги была издан в России под нашумевшим именем Мэтьюрина, автора «Мельмота-Скитальца», – в сугубо коммерческих целях.

2. В частности, М. Кудимова акцентирует сходство с гоголевским произведением глав, добавленных к тексту де Квинси авантюристом-переводчиком.

3. Здесь, правда, делается различие между маком опийным и маком пищевым, но тем не менее автор полагает, что Гоголь неплохо знал о свойствах этого растения как такового.

4. Конечно, формально Библия – тоже продукт восточного сознания. Но феномен ее основан на том же предпочтении Богом данной реальности иллюзиям и фантазиям, что и сугубо «земной» философский подход Стагирита. Этим Библия резко выделяется из ряда прочих сакральных книг Востока. Здесь реальные «дела дней» (дебрим хайямим) важнее суетной «ловли ветра» (халоймес), в отличие от концепции мира, скажем, в индийских Ведах – как всеобъемлющей Майи-иллюзии.

5. По верному замечанию Н. Вильмонта, XVIII век был не только веком крупнейших научных завоеваний, но и «веком повышенного интереса ко всему «чудесному», иррациональному, трансцендентному» (см. Вильмонт Н. Гете и его время // Гете И.-В. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Худож. лит-ра, 1975. – Т. 1. – С. 5–48).

6. Можно припомнить, к слову, что и пристальное внимание к алкогольным напиткам, пронизанное ядреным духом украинского сельского дионисийства, отразилось в произведениях Гоголя весьма широко и разнообразно. Вот, к примеру, одна, но весьма характерная цитата:

«Не захотел выпить меду! слышишь, Катерина, не захотел меду выпить, который я вытрусил у брестовских жидов. Эй, хлопец! – крикнул пан Данило, – беги, малый, в погреб, да принеси жидовского меду! Горелки даже не пьют! экая пропасть! Мне кажется, пани Катерина, что он и в господа Христа не верует. А! как тебе кажется?

– Бог знает, что говоришь ты, пан Данило!

– Чудно, пани! – продолжал Данило, принимая глиняную кружку от козака, – поганые католики даже падки до водки; одни только турки не пьют. Что, Стецько, много хлебнул меду в подвале?

– Попробовал только, пан!

– Лжешь, собачий сын! вишь, как мухи напали на усы! я по глазам вижу, что хватил с полведра. Эх, козаки! что за лихой народ! всё готов товарищу, а хмельное высушит сам. Я, пани Катерина, что-то давно уже был пьян. А?

– Вот давно! а в прошедший...

– Не бойся, не бойся, больше кружки не выпью!» [7; I, 217–218].

7. Гоголь Н.В. Собр. худож. произведений в пяти томах. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. I. – 372 с. – Т. II. – 436 с.

8. Боймер У. Нам нужна только твоя душа (Рок-сцена и оккультизм: даты, факты, подоплека). – Берлин, 1992. – 74 с.

Анотація

Принято вважати, що Гоголь використовував в описі наркотичного трансу відому книгу Т. де Квінсі. Сьогодні дослідники вже говорять про особистий опіумний досвід Гоголя і його ознайомленість з таємним життям петербурзької богеми. Але «босхівські» за духом галюцинації присутні уже в ранніх українських повістях Гоголя: він черпав тут не стільки із сучасності, скільки з глибин давньоукраїнської стихії, яка відчувалася ним як пагубна безодня, що протистоїть християнському образу світу. Між тим романтичний і постромантичний культурний досвід в кінцевому рахунку призводить до пропаганди наркоманії теперішньої масової культури та її легітимізації у філософії New Age. У такій динаміці позиція Гоголя заслуговує особливої уваги.

Аннотация

Принято считать, что Гоголь использовал в описании наркотического транса известную книгу Т. де Квинси. Сегодня исследователи уже предполагают и личное знакомство Гоголя с опиумом, и его осведомленность в тайной жизни петербургской богемы. Но «босховские» по духу галлюцинации присутствуют уже в ранних украинских повестях Гоголя: он черпал здесь не столько из современности, сколько из глубин древнеукраинской языческой стихии, которая ощущалась им как противостоящая христианскому образу мира губительная бездна. Между тем романтический и постромантический культурный опыт в конечном итоге приводит к пропаганде наркомании нынешней массовой культурой и ее легитимизации в философии New Age. В данной динамике позиция Гоголя заслуживает особого внимания.

Summary

Gogol – from the point of view of our Literary History – used the famous book by T. de Quinsy when described narcotic trans. Modern scholars declared personal writer's experience in the sphere of drug addiction and secret life of Petersburg's bohemia. But we can find the hallucinations in Bosch style in earliest Ukrainian stories by Gogol. He took this material not only from modern life but from profundity of old Ukrainian paganism which was in his eyes the dangerous ocean and antonym to Christian image of world. In the same time Romantic and Post

romantic cultural experience directed to propaganda of drug addiction in modern mass-culture and it's legitimization in New Age Philosophy. In the context of this dynamic Gogol's position must be an object of special attention.

Кравченко О.А. (Донецк)

ПРОБЛЕМА ВОЗВЫШЕННОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

Разговор о проблеме возвышенного ведется в современном литературоведении достаточно интенсивно. Среди гоголеведческих работ, развивающих в той или иной мере данный аспект исследований, следует назвать труды Свена Шпикера [1], Сюзанны Франк [2], Михаила Вайскопфа [3].

Избранная нами перспектива анализа предполагает в первую очередь проблематизацию возвышенного как эстетической категории, и уже на этой основе – прояснение специфики собственно гоголевского возвышенного.

I. Понятие «возвышенное» вбирает в себя комплекс значений. Так, Жан-Филипп Жаккар пишет: «Когда мы читаем классическую литературу по данной теме (Псевдо-Лонгина, Канта, Берк, Буало и т.д.) мы постоянно сталкиваемся с некоторой путаницей, которая является, по-видимому, результатом невозможности точного разграничения различных понятий, которые, дополняя друг друга, имеют различное применение. Представляется необходимым по отдельности рассматривать понятие природного возвышенного (т.е. проявление возвышенного в природе, как, например, разгул стихий, о котором философы говорили еще в древности), чувство возвышенного (посещающее индивидуума при виде того или иного явления вне зависимости от природы), возвышенный стиль, предполагающий безусловное присутствие риторических элементов, а также возвышенное как категорию эстетическую или философскую [4; 61].

Остановив свое внимание на последней составляющей жаккаровского списка, мы вновь сталкиваемся уже не с «путаницей», но с принципиальным разногласием в понимании содержания возвышенного как эстетической категории. Освещая материалы состоявшейся в 1992 году в Швейцарии конференции на тему «Категория возвышенного в историко-литературном развитии от классицизма до первой половины XX века», один из ее организаторов – Рольф Фигут – отмечает разночтения в понимании возвышенного учеными «запад-